

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Наумов Николай Николаевич

**Королевская власть и аристократия
в правление Сигизмунда Люксембургского**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (Средние века)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

- Научный руководитель** – *Гусарова Татьяна Павловна, кандидат исторических наук, доцент*
- Официальные оппоненты** – *Цатурова Сусанна Карленовна, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник*
- Прокопьев Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой истории Средних веков*
- Мельников Георгий Павлович, кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН, ведущий научный сотрудник*

Защита диссертации состоится «___» _____ 20__ г. в ___ часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.04 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <http://istina.msu.ru/dissertations/>

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема и актуальность исследования. В рамках любого государственного строя власть и общество стремятся повлиять друг на друга. Их политический дуализм как соревнование авторитарного и коллективного принципа управления представляет собой явление вневременное и общеисторическое. Его характерную средневековую форму составляют партнёрство и соперничество между королевской властью и аристократией – двумя основными политическими силами в рамках феодальной общественной структуры¹. В условиях единоличной верховной власти позднесредневекового монарха дуализм имел характер не институциональный, но реально-политический и выражался в стремлениях аристократии к консолидации перед лицом монарха, в её попытках вступить с ним в диалог и повлиять на его решения. Предлагаемая работа представляет собой исследование поведения участников в конкретных политических ситуациях, а не однозначных социальных данностях, составляющих так называемые феодальные отношения, которые меняются лишь медленно и малозаметно в ходе процессов «большой длительности». Поиск частных и общих, индивидуальных и типических черт в социально-политических процессах – важная задача современной науки, делающая актуальным взгляд на уже известные исторические факты и проблемы через сравнительно-историческую перспективу. Взаимоотношения королевской власти с политическими сословиями (в первую очередь, – аристократией), механизмы власти средневекового монарха, роль вертикальных и горизонтальных связей в феодальной иерархии – общие темы немецкой, венгерской и чешской медиевистики XX в.². Однако до настоящего времени историки практически

¹ Подробнее см.: *Хачатурян Н.А.* Авторитарный и коллективный принципы в эволюции средневековой государственности // *Власть и политическая культура в средневековой Европе* / Под ред. Е.В. Гутновой. М., 1992. С. 14–23 (здесь с. 15).

² О политическом давлении сословия венгерских баронов на королевскую власть в XIV–XV вв.: *Bak J.* *Königtum und Stände in Ungarn im 14.–16. Jahrhundert.* Wiesbaden, 1973. S. 27–30. *Fügedi E.* *Ispánok, bárók, kiskirályok: A középkori magyar arisztokrácia fejlődése.* Budapest, 1986. 271–273. old. О сословии дворянства как опоре венгерского короля

не предпринимали попыток выйти за рамки своего вполне естественного интереса к истории отдельной страны (зачастую, своей собственной) и исследовать эти проблемы в сравнительной центральноевропейской перспективе, оставляя эту задачу историческим социологам³. Правление Сигизмунда, последнего государя Люксембургской династии, предоставляет исследователям редчайшую возможность для сравнительного исследования трёх позднесредневековых монархий: Венгерского королевства (1387–1437), Священной Римской империи (1411–1437) и Чешского королевства (1419–1437), на два десятилетия объединённых в персональную унию под господством одного правителя. Привлечение данных по центральноевропейским монархиям являет собой важнейшую задачу и для отечественной медиевистики, которая при теоретическом конструировании и

Матяша в борьбе с баронами: *Elekes L.* Rendiség és központosítás a feudális államokban. Problémák a kérdés kelet-európai vonatkozásainak kutatásában, a XV. századi Magyarország viszonyaira. Budapest, 1962. 30–35. old. О низложении короля Вацлава курфюрстами с римского престола как вехе на «пути к сословному государству»: *Graus F.* Das Scheitern von Königen: Karl VI., Richard II., Wenzel IV. // *Das spätmittelalterliche Königtum im europäischen Vergleich / Hrsg. v. R. Schneider.* Sigmaringen, 1987. S. 17–39 (здесь S. 32). О князьях как «главных естественных партнёрах» королевской власти в Империи: *Moraw P.* Fürstentum, Königtum und «Reichsreform» im deutschen Spätmittelalter // *Blätter für deutsche Landesgeschichte.* Bd. 122. 1986. S. 117–136 (здесь S. 135). О сплетении сословных интересов чешской шляхты с гуситской идеологией, а также об её участии в гуситском мятеже против короля Сигизмунда: *Polívka M.* Šlechta a reformatoři: ke vzájemným vztahům české šlechty a ideologů husitství před rokem 1419 // *Medievalia historica bohemia.* Roč. 1. 1991. S. 231–255; *Klassen J. L.* The Nobility and the Making of the Hussite Revolution. Boudler, 1979; *Пашинин А.П.* Шляхта в гуситском революционном движении: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006.

³ Пример историко-социологического подхода демонстрирует масштабная типология сословных органов, представленная О. Хинце: *Hintze O.* Typologie der ständischen Vertretungen des Abendlandes // *Historische Zeitschrift.* Bd. 141. 1930. H. 2. S. 229–248. В современной науке данная ситуация меняется. Марта Кондор представила сравнительно-историческое исследование обстоятельств восшествия Сигизмунда на венгерский и римский трон в 1387 / 1411 гг.: *Kondor M.* Fejedelmi frigyek, választási ígéreték: Luxemburgi Zsigmond első koronái // «Köztes-Európa» vonzásában. Ünnepi tanulmányok Font Márta tiszteletére / Szerk. Bagi Daniel, Fedeles Tamás és Kiss Gergely. Pécs, 2012. 277–295. old. Юлия Буркхардт сопоставила институты репрезентации власти в средневековых немецких, чешских, венгерских и польских землях: *Burckhardt J.* Structures and representations of power in Central Europe, c. 1350–1500 // *Medieval History Journal.* Vol. 19. 2016. № 2. P. 191–228. Роберт Новотный провёл параллель между «замыканием» баронского / панского сословия в чешских и венгерских землях: *Novotný R.* Sociální, institucionální a konfesijní aspekty vývoje české šlechty v pozdním středověku. Praha, 2008. S. 92.

осмыслении средневековых явлений основывается преимущественно на западноевропейском историческом материале.

В качестве **объекта** сопоставительного изучения в настоящей работе принят центральный элемент их политических систем: верхушка политической иерархии в лице монарха и аристократии. Под «аристократией» в настоящей работе понимается никоим образом не совокупное благородное сословие, обладающее «властью человека над человеком»⁴. Речь идёт лишь о тех политических индивидах и их группировках, которые занимали самый верхний статус в сословной иерархии (после королевского), которые были резко обособлены от носителей низших рангов на основе конкретных социальных признаков. **Предметом исследования** являются политические взаимоотношения (партнёрство и соперничество) между королевской властью в лице правящей Люксембургской династии и аристократией – имперскими курфюрстами и князьями, венгерскими баронами и чешскими панами.

Исследовательская цель диссертационной работы заключается в выявлении важнейших общих и особенных черт взаимоотношений королевской власти и аристократии – главных политических сил в Венгерском королевстве, Империи и Чешском королевстве в эпоху правления Сигизмунда Люксембургского (1387–1437). В **задачи работы** входит:

- 1) определение критериев принадлежности к обособленной верхушке (аристократии) в рамках политической иерархии каждой из рассматриваемых монархий;

⁴ Вернер Конце возводит научную традицию отождествления «аристократии» с феодальной знатью к Сен-Симону, который определял аристократию как «власть человека над человеком», подразумевая, в том числе, и личную власть любого рыцаря над своими сервами. *Meier Cr., Conze W. Adel, Aristokratie // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. v. Otto Brunner, Werner Conze und Reinhart Koselleck. Bd. 1: A – D. Stuttgart, 1972. S. 1–48 (здесь S. 1, 6).*

2) выявление факторов партнёрства и соперничества между королевской властью и аристократией, консолидации последней против правящей династии Люксембургов на рубеже XIV–XV вв.;

3) определение характера той угрозы по отношению к королевской власти, которая исходила от аристократии;

4) характеристика механизмов власти, которые задействовал Сигизмунд по отношению к аристократии в трёх монархиях.

Хронологические рамки исследования (последняя четверть XIV – первая треть XV в.) охватывают в целом всю эпоху поздних Люксембургов – наследников Карла IV Люксембурга, в данном случае – не только Сигизмунда, но и его старшего брата Вацлава, короля чешского (в качестве титулярного короля – с 1361 года, в действительности – 1378–1419) и римского (1376–1400, затем до 1419 года – в качестве титулярного короля).

Структура работы обусловлена необходимостью сопоставить между собой ключевые вехи политического соперничества между королевской властью и аристократией на рубеже XIV–XV вв. Она состоит из Введения, двух глав, Заключение, Библиографии и шести приложений. В Главе 1 рассматриваются взаимоотношения Люксембургов с аристократией в Венгерском королевстве, Империи и Чешском королевстве в контексте внутривнутриполитических конфликтов рубежа XIV–XV вв.: мятежа венгерской знати против Сигизмунда в 1401 году, низложения его брата Вацлава с римского престола в 1400 году, а также противоречивых взаимоотношений этих двух Люксембургов с чешской аристократией накануне Гуситских войн – в контексте панского мятежа 1394–1396 гг. против Вацлава и тех требований, которые были предъявлены в 1419 г. его брату и наследнику. Вторая глава исследования посвящена изучению взаимодействия между Сигизмундом и княжеской / баронской аристократией его земель в 1420-х гг. на начальном этапе гуситского конфликта в Чешском королевстве. Исследование предпринимается на конкретных примерах отношений Люксембургов с их прежними противниками, теперь же – сторонниками в аристократической

среде: чешским паном Олдржихом из Рожмберка, венгерским бароном Иштваном Розгони, мейсенским маркграфом Фридрихом IV Веттином.

Теоретико-методологическую базу исследования составляет принцип историзма, который требует исследовать любые явления общественной жизни в их динамическом развитии, определять их исторические предпосылки и последствия. Особую важность имеет «социальный подход», в рамках которого любой факт политической истории рассматривается как значимый социально, позволяющий понять специфику формальных и неформальных взаимосвязей между властью и обществом⁵. Для решения поставленных задач был использован историко-сравнительный метод, а именно метод синтетического сравнения – «разновидности исторического сравнения, в рамках которого осуществляется поиск не только различий, но также и сходств между сопоставляемыми сообществами»⁶. В качестве материала для синтетического сравнения в первой главе работы выступают ситуации конфликта между Люксембургскими и аристократией, во второй – биографии аристократов с упором на их взаимоотношения с Люксембургскими.

Источники и методика их анализа. Первую группу источников составляют документы двух типов, выделенных в соответствии с немецкой источниковедческой традицией и различающихся своим правовым характером – публичные грамоты и частные письма⁷, характеризующие взаимоотношения Сигизмунда Люксембургского с маркграфами мейсенскими⁸, силезскими герцогами олесницкими⁹, чешскими панами¹⁰ и

⁵ Подробнее см. *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 277.

⁶ *Kaeble H.* Der historische Vergleich. Eine Einführung zum 19. und 20. Jahrhundert. Frankfurt; New York, 1999. S. 30.

⁷ *Brandt A. v.* Werkzeug des Historikers. Stuttgart, 2007. S. 92. К исследованию был привлечен как изданный, так и неопубликованный архивный дипломатический материал.

⁸ Отношения Люксембургов с мейсенскими маркграфами иллюстрирует собственное собрание оригинальных грамот последних, хранящееся в Главном государственном архиве Дрездена, а также более поздние рукописи из университетской библиотеки Лейпцига, содержащие переписанное письмо Сигизмунда маркграфу Вильгельму и письмо пражских гуситов маркграфу Фридриху. Дрезден. Главный государственный архив (Hauptstaatsarchiv Dresden). Bestand 10001. Ältere Urkunden. Значительная часть

венгерскими баронами¹¹. Методом работы с данным видом источников является внешняя критика¹².

Грамоты содержат указы и постановления, либо же торжественные обещания и договоры, которые не имеют конкретного адресата, но направляются «всем и каждому» (лат. *universis et singulis*). В данном случае речь идёт о том жанре документов, который (особенно в случае с королевскими указами и пожалованиями)¹³ обладал традиционной

грамот была опубликована Г. Эрмишем и Б. Райзиг: *Urkunden der Markgrafen von Meissen und Landgrafen von Thüringen in den Jahren 1419–1428 / Bearb. von H. Ermisch und B. Reissig. Leipzig, 1941. Лейпциг. Университетская библиотека (Universitätsbibliothek Leipzig). Historische Bestände. Ms 766. Historische Sammelhandschrift. Bl. 213rv. Ms. 1091. Diplomatische Sammelhandschrift. Bl. 206rv. Подробнее о содержании документов, находящихся в рукописях, см. каталог: Pensel F. Verzeichnis der deutschen mittelalterlichen Handschriften in der Universitätsbibliothek Leipzig. Berlin, 1998. S. 106, 149.*

⁹ Династический архив князей олесницких был уничтожен в конце Второй Мировой войны. Подробнее: *Stelmach R. Straty w dokumentach i aktach dawnych depozytów w świetle inwentarzy i repertoriów archiwalnych archiwum państwowego we Wrocławiu // Archeion. T. 110. 2010. S. 83–102.* Однако одна часть документов, касающаяся тесных связей между королём, князьями и имперским городом Вратиславом, сохранилась в Государственном архиве современного Вроцлава, другая, – затрагивающая дела вратиславской епархии при епископе Конраде Олесницком, – представлена в собрании епископских актов в архиве вроцлавского диоцеза, а третья была переписана в дипломатий XVIII века; еще одна часть, касающаяся имущественных отношений в силезском герцогстве, дошла до нас в виде копий в собрании документов чешской канцелярии. Вроцлав. Государственный архив (Archiwum Państwowe we Wrocławiu). Dokumenty miasta Wrocławia; Вроцлав. Архив вроцлавского диоцеза (Archiwum archidiecezji wrocławskiej). Acta biskupie; Лейпциг. Университетская библиотека (Universitätsbibliothek Leipzig). Historische Bestände. Ms 113. *Urkundenabschriften zur Geschichte Breslaus (18 Jh.)*; Прага. Национальный архив (Národní archiv České Republiky). *Stará manipulace. P 106 M/40.*

¹⁰ *Listář a listinář Oldřicha z Rožmberka / Vydala B. Rynešová. Sv. 1. 1418–1438. Praha, 1929.*

¹¹ *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Studio et opera Georgii Fejér. T. X. Vol. 1–6. Ab anno Christi 1392–1400. Budae, 1843.*

¹² Задача внешней критики королевских грамот требует определения их «фактичности» (нем. *Tatsächlichkeit*), т.е. их прямого соответствия исторической действительности. *Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode in der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1908. S. 330–331, 412.* Установка достоверности и неподдельности грамот Сигизмунда о пожаловании осуществляется на основе формальных признаков, таких как наличие печати (в случае обращения к оригинальным документам), необходимых формул, канцелярских пометок о регистрации. Необходимым этапом проверки является соотнесение времени и места издания документа с итинерарием самого правителя, составленным П. Энгелем и Н. Тотом на основе привлечения всего комплекса известных королевских грамот. *Királyok és királynék itineráriumi (1382–1438) / Szerk. Engel Pál és C. Tóth Norbert. Budapest, 2005.*

¹³ Основную часть указов и пожалований Сигизмунда как римского короля дублируют записи из книг имперского регистра. В виде кратких регест содержание этих записей было опубликовано В. Альтманном. Венгерский регистр того времени («королевские книги», лат. *libri regii*) был уничтожен в ходе османского завоевания Венгрии в 1526–1541 гг.

структурой, в рамках которой наибольший интерес представляют аренги – обоснование акта¹⁴. В случае жалованной грамоты оно может быть сформулировано как весьма конкретно, с подробным перечислением заслуг бенефициара¹⁵, так и абстрактно, без имён, но с указанием на должный порядок взаимоотношений между сеньором и вассалом. В последнем случае от историка требуется не только выяснение обстоятельств произошедшего акта с помощью иных источников, но и соответствующая трактовка величины заслуг облагодетельствованного человека с помощью языка формул. Так, наиболее часто воздаваемые заслуги имперского подданного характеризуются эпитетами «верный» и «добровольный», что даёт отсылку к тем качествам, которые требовались от любого вассала (лат. *fidelis*, ср.-в.-нем. *getreuer*, ст.-чеш. *věrný*) как такового¹⁶. Представляется, что

Книги чешской канцелярии Сигизмунда сохранились лишь в описях, составленных в правление Владислава II (1471–1516) и опубликованных А. Седлачком. Вена. Австрийский государственный архив (Österreichisches Staatsarchiv Wien). Hof-, Haus- und Staatsarchiv. Reichsregister Sigismund. Bd. D–L; Die Urkunden Kaiser Sigmunds (1410–1437) / Verzeichnet von W. Altmann. Bd. 1–2. Innsbruck, 1896–1900; *Čelakovský J.* O domácích a cizích registrech, zvláště o registrech české a jiných rakouských dvorských kanceláří. Praha, 1890. S. 38; Zbytky register králův římských a českých z let 1361–1480 / Sebral a určil A. Sedláček. Praha, 1914.

¹⁴ *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Bd. 1. Leipzig, 1889. S. 43.

¹⁵ Это наиболее характерно для венгерской королевской дипломатики. Пример такой обстоятельной аренги содержится в грамоте о пожаловании баронского титула и должности пожоньского ишпана Иштвану Розгони в 1421 году. Опубл. в: *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Studio et opera Georgii Fejér.* T. 10. Vol. 6. Ab anno Christi 1418–1428. Budae, 1844. P. 403–405.

¹⁶ М. Блок замечает, что в средневековом обществе всячески подчёркивалась добровольность благородной службы вассала. *Блок М.* Феодальное общество. М., 2003. С. 159. Это находит подтверждение в тех формулах *inscriptio / salutatio*, которыми обращались к Сигизмунду его имперские вассалы. Как например, Фридрих Цоллерн, маркграф бранденбургский: «Всесиятельный княже, милостивейший любимый господин, моя добровольная, подданническая и покорная служба в любое время для вашей королевской милости!» / *«Allerdurchluchtigester furste gnedigster lieber her. Mein willig untertenig und gehorsam dinst sind ewern koniglichen gnaden allzeit voran bereit».* *Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an / Hrsg. von F. Palacký.* Bd. 1. Prag, 1873. S. 623. В то же время, чешский пан Гинек Крушина из Швамберка (не состоявший именно в ленной связи с королём) пообещал королю, «всесиятельному князю и государю, господину Сигизмунду <...> нашему милостивому господину» «в любое время» не «добровольную», но исключительно «смирненную службу»: *«Najjasnějšímu kniežeti a pánu p. Siegmundowi <...> pánu našemu přemilostivému služba naše napřed po vše časy pokorná».* *Archiv český, čili staré písemné*

контекстную важность пожалования выражали именно иные, добавочные характеристики, которые отличают единичную, особо значимую и «приятную» услугу (ср.-в.-нем. *sonderlich liebe dinste*) от целой совокупности услуг, от службы продолжительной, которую характеризуют как «верную» и «постоянную» (ср.-в.-нем. *treue und stete dinste*)¹⁷.

Глубже понять интересы Сигизмунда и его настрой по отношению к своим партнёрам позволяет менее формальный тип документа – письма. Привлечённые королевские послания демонстрируют желание монарха заинтересовать вассалов в служении ему, получить от них помощь против еретиков и мятежников, взамен же – гарантировать им свою признательность, либо же дать понять, что готов пойти на уступки в конфликте с ними. Способ обращения к вассалу также может говорить не только о его княжеском / благородном статусе¹⁸, но и о мере приближённости к королю, которая могла меняться в зависимости от обстоятельств. Так, в переписке Сигизмунда с чешским паном Олдржихом из Рожмберка в 1420–1421 гг.: грубое обращение по имени (ст.-чеш. *Oldřiše z Rožmberka*) сменяется обыкновённым и принятым «дорогой благородный вассал» (ст.-чеш. *urozený věrný milý*), затем дополненным «особенно дорогой благородный вассал» (ст.-чеш. *urozený věrný zvlášče milý*), а позже – совершенно необыкновенным

ramátky české a moravské / Vydal Fr. Palacký. D. 3. Praha, 1844. S. 369. Таким образом, работа с формулами позволяет проиллюстрировать особенность и отличность имперских и чешских властных отношений.

¹⁷ В качестве примера приведена формула из грамоты, подтвердившей ленные права герцогов олесницких. Хранится в: Прага. Национальный архив (Národní archiv České Republiky). Stará manipulace. P 106 M/40.

¹⁸ К мейсенскому маркграфу Вильгельму Сигизмунд обратился как к «высокорожденному любимому господину, младшему брату и князю» (ср.-в.-нем. *hochgeborner liber herr ohm und furst*), т.е. человеку равного статуса, к одному из государей, среди которых он сам в качестве «всесиятельного князя» был «первым среди равных». Лейпциг. Университетская библиотека (Universitätsbibliothek Leipzig). Ms. 1091. Diplomatische Sammelhandschrift (lat. und dt.). Fol. 20brv. К более низшим имперским иерархам, в частности к графу Тогенбурга Сигизмунд обратился иначе: «дорогой благородный вассал» (ср.-в.-нем. *wolgeborner liber getruer*). Это целиком соответствует тем типичным выражениям, в которых он обращался к венгерской знати и чешским панам (лат. *fidelis noster dilecte* / ст.-чеш. *urozený věrný milý*). Bergmann J. Urkunden der vier voralbergischen Herrschaften und der Grafen von Monfort // Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen. 1849. Heft 4. S. 4–82 (здесь S. 9).

обращением: «благородный и великолепный вассал, благодарно и искренне нами любимый!» (лат. *nobilis et magnifice, fidelis nobis grate et sincere dilecte!*)¹⁹. Всё это отражает те перемены во взаимоотношениях короля и чешского пана, которые произошли в начальный период гуситского конфликта (1420–1422 гг.).

Второй блок источниковой базы исследования составляют нарративные источники. Политическая просопография как жанр научного исследования не приветствует обращения к повествованиям, так как в попытках выявить действительные факты биографии видных придворных Сигизмунда мы не можем полностью положиться на осведомлённость, политическую беспристрастность и добрую память любых авторов той эпохи; при этом необходимо сознавать, что в нарративах содержатся факты культурные (нем. *Kulturtatsachen* в терминологии В. Дильтея). Во всякой интерпретации окружающей действительности становится явственным политическое мышление отдельного автора, а вместе с тем и его современников, что может помочь современным исследователям в понимании механизмов власти и стратегий поведения действующих лиц²⁰. Подход к данному типу источников строится на основе их внутренней критики²¹.

«Книга императора Сигизмунда», «Гуситская хроника» и «Хроника венгров» – три главных текста, лежащие в основе немецкой, чешской и венгерской историко-научной традиции исследуемого периода. Их создатели отличались друг от друга решительным образом. Автор первого труда, Эберхард Виндеке²² – выходец из обедневшего рода патрициев Майнца,

¹⁹ Listář a listinář Oldřicha z Rožmberka / Vydala B. Rynešová. Sv. 1. 1418–1438. Praha, 1929. S. 15, 16, 50.

²⁰ Похожую мысль применительно к исследованию позднеантичных и раннесредневековых ритуалов власти высказал Филипп Бюк: *Buc P. The dangers of ritual: between early medieval texts and social scientific theory. Princeton, 2001. P. 8–9, 251.*

²¹ Внутренняя критика источника заключается в том, чтобы выявить не саму реальность, но отношение свидетелей к этой реальности, их трактовку и оценку, а также причины последних. Подробнее: *Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode in der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1908. S. 464.*

²² *Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. W. Altmann. Berlin, 1893. Подробнее о Виндеке см. Наумов Н.Н. «Книга императора*

выбившийся в люди при дворе Сигизмунда, вставший на путь служения господам, мирянин, в жёстких выражениях критикующий гуситов как еретиков и мятежников – осмелившихся воспротивиться власти его благодетеля Сигизмунда, своего «естественного господина». Второй хронист, Лаврентий из Бржезовой²³ – выходец из чешского рыцарства, учившийся в Пражском университете и получивший звание магистра свободных искусств, в 1420-х гг. – канцлер Нового Пражского места, умеренный гусит и ярый противник как Сигизмунда, так и социальных радикалов – таборитов. Последнему автору, венгерскому дворянину Яношу Туроци²⁴ – довелось служить в канцелярии короля Матяша Корвина в то более позднее время, когда столь очевидное конфессиональное противостояние между гуситами и католиками на время утихло; более того, с самим Сигизмундом его не связывала ни любовь, ни ненависть. По всей видимости, именно этим объясняется его отстранённость как от гуситского конфликта, так и от мятежа венгерской знати против своего короля в 1401 году. Несмотря на всё различие этих авторов, их политическое мышление при пристальном изучении обнаруживает общий характерный топос: правителю подобает править не самому, но с советом гуситских послов и чешских панов (Лаврентий из Бржезовой), «венгерской нации» (Янош Туроци), «семи курфюрстов и иных могущественных господ» (Эберхард Виндеке). Когда король действовал иначе, не желал договариваться с аристократией, его подвергал суровой критике не только чешский хронист, гусит и мятежник, но и ярый католик и лоялист Эберхард Виндеке – человек, всецело от монарха зависимый.

Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 65–83.

²³ Vavřince z Březové kronika husitská // Fontes rerum bohemicarum / Vydal J. Goll. Vol. 5. Praha, 1893. Подробнее о нём см.: Bartoš F.M. Z politické literatury doby husitské // Sborník historický. T. V. Praha, 1957. S. 21–70.

²⁴ Magistri Ioannis de Thvrócz Chronica Hungarorum // Schwandtner J.G. Scriptorum rerum hungaricarum. T. 1. Vindobonae, 1766. P. 9–291. Подробнее о Туроци см.: Mályusz E. Thuróczu János krónikája. Budapest, 1944; Наумов Н.Н. Туроци // Большая российская энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 556.

Степень разработанности темы. В отечественной историографии взаимоотношения Сигизмунда Люксембургского с аристократией (имперскими князьями, венгерскими баронами и чешскими панами) не рассматривались, однако были сделаны важные обобщения по проблеме политической централизации в Западной и Центральной Европе в XIV–XV веках (А.И. Неусыхин, Н.А. Хачатурян, М.А. Бойцов)²⁵. Историографическую основу предлагаемого исследования составляет комплекс работ немецких, венгерских и чешских историков, исследовавших особенности политической системы держав Сигизмунда Люксембургского.

Общей темой немецкой историографии является воздействие гуситского кризиса на отношения между королём и имперской элитой. Историки XIX века (И. Ашбах, Ф. Бецольд, Г. Вендт) подчёркивали неспособность римских (в их терминологии – «германских») королей обеспечить себе контроль над князьями, объясняли военные неудачи Сигизмунда в борьбе с гуситами слабостью центральной власти в Империи. Они видели выход из кризиса в политической централизации Немецких земель вокруг персоны государя (Й. Ашбах, Ф. Бецольд), либо же княжеской аристократии (Г. Вендт), в последнем случае – посредством узурпации совокупных сюзеренных прав короля-Люксембурга²⁶. В середине XX века некоторые историки предпочли отказаться от того, чтобы рассматривать королевскую и княжескую власть в качестве принципиальных соперников в деле преобразования имперского строя. Работы П. Морава, К. Матис, С. Веферс демонстрируют: гуситская угроза в 1420 году поспособствовала сближению между королём и княжеской аристократией, особенно – с духовными курфюрстами, которые почувствовали себя призванными

²⁵ *Неусыхин А.И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 348; *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 43, 166–177; *Бойцов М.А.* Имперские собрания в Германии во второй половине XIV века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 82.

²⁶ *Aschbach J.* Geschichte Kaiser Sigismunds. Bd. 3. Hamburg, 1841. S. 385–392; *Bezold F.* König Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten. Bd. 2. München, 1875. S. 157; *Wendt H.* Der deutsche Reichstag unter König Sigmund bis zum Ende der Reichskriege gegen die Hussiten (1410–1431). Breslau, 1889. S. 117.

побороть ересь и мятеж в одной из ключевых частей Империи – Чешском королевстве²⁷. Подобное «единение» (С. Веферс) не было долговременным, так как в условиях полицентричной Империи для единства отсутствовали естественные предпосылки. Но в условиях кризиса стало понятно, что и курфюрсты не могли представить какую-либо политическую альтернативу королевской власти: принятие любых решений на высшем уровне требовало санкции короля-Люксембурга²⁸.

Венгерские историки уделяли преимущественное внимание не самим взаимоотношениям между Сигизмундом и элитой, но динамике королевского и частного землевладения как главному индикатору изменений в политической системе. Проследив данную динамику, Балинт Хоман пришел к выводу, что Сигизмунд это наследие утратил: в течение своего правления (1387–1437) он пожаловал или заложил 140 из 200 королевских замковых владений, «оплота власти прежней Анжуйской династии в Венгрии»²⁹. Эти данные были уточнены П. Энгелем: в 1387–1396 гг. королевский домен уменьшился наполовину, но в 1397–1437 гг. – увеличился на 31%. В качестве важного фактора П. Энгель выделил не только выкуп и обмен, но и конфискацию родовых владений мятежных аристократических кланов³⁰. Тем не менее, следует признать: сокращение королевского землевладения в любом объеме определённо означало сужение непосредственной социальной и материальной базы королевской власти, которое прямым образом сказывалось на её политических позициях в диалоге с аристократией. Э. Фюгеди и Я. Бак отмечают: уже при предшественнике Сигизмунда, Людовике Великом (1342–1382), короле венгерском и польском, активном и успешном воителе, сформировалась военная баронская аристократия из

²⁷ *Moraw P.* Fürstentum, Königtum und «Reichreform» im deutschen Spätmittelalter // *Blätter für deutsche Landesgeschichte*. 1986. Bd. 122. S. 117–136. (здесь S. 133); *Mathies Cr.* Kurfürstenbund und Königtum in der Zeit der Hussitenkriege. Mainz, 1978. S. 274.

²⁸ *Wefers S.* Das politische System Kaiser Sigmunds. Stuttgart, 1989. S. 74–76, 226–227.

²⁹ *Homan B., Szekfű Gy.* Magyar történet. 2. köt. Budapest, 1928. 331. old.

³⁰ *Engel P.* Királyi hatalom és arisztokrácia viszonya a Zsigmond-korban. Budapest, 1977. 30–31. old.; *Magyarország világi archontológiája (1301–1451) / Összeáll. Engel P.* 1. köt. Budapest, 1996. 277., 291., 330., 344., 400., 403., 413., 437., 441. old.

советников, носителей должностей и их потомков, от которой «в военной области тот даже оказался в некоторой степени зависим»³¹. В условиях пресечения мужской линии венгерской ветви Анжуйской династии эта этаблированная элита оказалась способна утвердить принцип избрания короля, принудить чужака-Люксембурга дать торжественное обещание править с советом прелатов и баронов, соблюдать привилегии благородной «венгерской нации» (лат. *natio hungarica* / нем. *die ungarische Adelsnation*), замещать церковные и светские должности только её представителями, разорвать все союзы, которые он заключил «против короны Венгерского королевства» – т.е. вести диалог непосредственно с ней без военной поддержки своей люксембургской родни (чешского и римского короля Вацлава, моравского маркграфа Йошта)³².

В фокусе внимания чешских историков находятся Гуситские войны – военный конфликт, который начался с полемики между католическим большинством и последователями учения чешского проповедника Яна Гуса, который был объявлен еретиком и сожжён на Констанцском соборе в 1415 году. Однако наряду с конфессиональной природой, данный конфликт приобрёл впоследствии и политическое содержание. Этот аспект наглядно продемонстрировал Ф. Кавка: лоялисты, сторонники Сигизмунда из числа чешской католической шляхты «внесли основной вклад не только в утверждение Люксембурга на престоле, не только в военную победу шляхты над мятежниками-таборитами в гуситской революции, но в конечном счёте и в её политическую победу над королём», ускорили «структурную трансформацию государства “дружинного типа” (иными словами, патримониальной монархии – *Н.Н.*) в государство сословное»³³. М. Шандера равным образом подчёркивает фатальную зависимость короля от чешской

³¹ *Fügedi E.* Ispánok, bárók, kiskirályok. A középkori magyar arisztokrácia fejlődése. Budapest, 1986. 271. old.

³² *Bak J.* Königtum und Stände in Ungarn im 14.–16. Jahrhundert. Wiesbaden, 1973. S. 28.

³³ *Kavka F.* Poslední Lucemburk na českém trůně: Králem uprostřed revoluce. Praha, 1998. S. 112–120; *Idem.* Strana Zikmundova v husitské revoluci. Praha, 1948–1949. S. 77–79.

католической шляхты, которая была его «основной, но крайне ненадёжной опорой» в королевстве³⁴. Панская аристократия в своих действиях сохраняла значительную меру «сословной солидарности» даже в ситуации конфессионального раскола (Р. Новотный), выступала в качестве «извечного соперника чешского короля», по выражению И. Юрока³⁵. Корни сплочённости шляхты против монарха Р. Новотный, И. Кейрж, Ф. Шмагель возводят к эпохе Пршемысла Отакара II (1253–1278), агрессивная внешняя политика которого требовала продолжительного участия чешских шляхтичей в военных походах, что последние стали воспринимать как обременительную обязанность³⁶. В ином ключе взаимоотношения чешской шляхты и королевской власти представляет В. Ваничек. Он подчёркивает, что и после Домажлицких соглашений 1318 года, ограничивших обязанности шляхты по отношению к монарху, её продолжала связывать с ним требование личной службы. В. Ваничек утверждает, что знать вовсе не была принципиальным соперником королевской власти в Чехии, так как нуждалась в короле как правителе «божьей милостью», «исполнителе задач закона, престижа и миротворчества, в том числе в пользу многим благородным»; поэтому в средневековом обществе «политический дуализм не имел в своей основе антагонизм интересов монарха и сословий»³⁷. Необходимо возразить, что рассматриваемые внутривластные конфликты (панский мятеж 1394–1396 гг. в Чехии, низложение короля Вацлава с римского престола в 1400 году, мятеж венгерской знати в 1401 году) являют собой несомненный

³⁴ Šandera M. Zikmundovi věrní na českém severovýchodě: Opočenská strana v husitské revoluci. České Budějovice, 2005. S. 7.

³⁵ Novotný R. Sociální, institucionální a konfesionální aspekty vývoje české šlechty v pozdním středověku. Praha, 2008. S. 92; Jurok J. Příčiny, struktury a osobnosti husitské revoluce. České Budějovice, 2006. S. 159.

³⁶ Kejř J. Anfänge der ständischen Verfassung in Böhmen // Die Anfänge der ständischen Vertretungen in Preußen und seinen Nebenländern / Hrsg. von H. Boockmann. München, 1992. S. 177–218 (здесь S. 194); Šmahel F. Das böhmische Ständewesen im hussitischen Zeitalter: Machtfrage, Glaubensspaltung und strukturelle Umwandlungen // Die Anfänge der ständischen Vertretungen in Preussen und seinen Nachbarländern. München, 1992. S. 219–246.

³⁷ Vaniček V. Předpoklady formování šlechtické “obce Českého království” (zemské obce) // *Medievalia historica bohemia*. Roč. 1. Praha, 1991. S. 13–55 (здесь S. 39, 45).

пример реально-политического дуализма в виде соперничества аристократии с королевской властью. С другой стороны, результаты предпринятого исследования продемонстрировали, что оппоненты В. Ваничека (Р. Новотный, И. Кейрж, Ф. Шмагель) при анализе позднесредневековой аристократической среды незаслуженно отдают горизонтальным связям преимущество в устойчивости перед связями вертикальными.

Необходимо отметить, что на настоящий момент проводились исследования лишь отдельных территориальных элементов совокупной политической системы Сигизмунда – его власти над Венгерским королевством либо немецкими / чешскими землями. **Научная новизна** предлагаемого исследования заключается в том, что впервые в отечественной и зарубежной медиевистике была предпринята попытка сравнительно-исторического синтеза, обобщающего основные тенденции в правлении Сигизмунда Люксембургского – правителя в трёх центральноевропейских монархиях. В отечественной науке впервые была продемонстрирована важность аристократии как главного партнёра королевской власти в Центральной Европе. В контексте политической географии Венгерского и Чешского королевства впервые была применена концепция «открытости» территорий Петера Морава³⁸. Её главным положением является то, что ни одно политическое пространство не является однородным и гомогенным, но состоит из отдельных ландшафтов, чья территориальная элита занимает по отношению к правителю ту или иную позицию, является «близкой» к нему, потенциально «открытой», либо же «удалённой» от него – политически или географически (нем. *königsnah* / *königsoffen* / *königsfern*). Применение данной концепции позволило построить следующую **рабочую гипотезу**: оплотом власти Сигизмунда Люксембургского, иногда именуемого «королём без вотчины в Империи»³⁹, была совокупность географически «близких»

³⁸ О ней см.: *Наумов Н.Н.* Концепция «открытости» территорий Петера Морава применительно к политической системе Сигизмунда Люксембургского (к постановке проблемы) // *Средние века*. Вып. 77. 2016. №3-4. С. 99–117.

³⁹ *Wefers S.* Das politische System Kaiser Sigmonds. Stuttgart, 1989. S. 3.

политических ландшафтов вокруг люксембургской Чехии – Мейсен, Франкония и Австрия, Северо-Западная Венгрия и Силезия. Рабочую гипотезу конкретизируют следующие **положения диссертации, выносимые на защиту:**

1. Взаимоотношения между королевской властью и аристократией в правление Сигизмунда Люксембургского представляли собой никоим образом не принципиальный антагонизм, но комплексное сочетание соперничества и партнёрства.

2. Успешность коммуникации между королём и аристократией зависела не столько от корпоративных, сколько от частных интересов конкретных политических индивидов, в первую очередь – от династических приоритетов правителя, который был способен задействовать «политически близкого» вассала, прибегая к тем или иным политическим инструментам.

3. Борьба Сигизмунда с мятежом гуситов против его власти в Чешском королевстве (1420–1434 гг.) потребовала от него привлечь «политически близкую» аристократию к борьбе с чешскими мятежниками, что в итоге поспособствовало укреплению сети вассально-ленных и союзных связей между Сигизмундом и его приближёнными вассалами, равно как и между самими политически близкими к королю аристократическими кланами.

Практическая значимость работы. Предлагаемая работа представляет собой сравнительное исследование по политической истории Центральной Европы XIV–XV вв., суммирующее обширный фактический материал. Выводы и обобщения, к которым пришёл автор, могут быть использованы при подготовке лекций и семинаров по средневековой дипломатике, архонтологии и политической географии.

Апробация работы. Результаты исследования были доложены на конференциях: «Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация» (Санкт-Петербург, 24–26.02.2015; доклад «Гуситские грамоты и их перевод в «Книге императора

Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: распространение протонационального дискурса»), «Карл IV Люксембург и Европа XIV века» (Москва, 26.11.2016 г.; доклад «Карл IV и Веттины»); «Религия и общество в Европе: от Средних веков к Новому времени» (Санкт-Петербург, 23–24.10.2017 г.; доклад «Сигизмунд Люксембургский, имперская реформа и проблема “предреформационного движения” в XV в.»). Статья «Сигизмунд Люксембургский и чешская аристократия в преддверии Гуситских войн» обсуждалась на заседании кафедры истории Средних веков Исторического факультата Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова от 27 ноября 2016 г. Отдельные аспекты работы были представлены международному исследовательскому сообществу во время стажировки автора в Берлинском университете им. Гумбольтов в рамках исследовательского коллоквиума проф. Микаэля Боргольте (Берлин, 02.02.2016), а также в ходе коллоквиума «Medievistický rátek» на Философском факультете Брненского университета им. Т.Г. Масарика (Брно, 24.06.2016). По результатам обсуждения на заседании кафедры истории Средних веков Исторического факультата Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова от 16 января 2018 года текст диссертации и автореферата был рекомендован к защите.

Содержание работы было отражено в 10 статьях общим объёмом 6,5 п.л., из которых 4 – в журналах из списка RSCI на платформе Web of Science, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** приводится обоснование актуальности поставленной проблемы дуализма власти и общества, разъясняется конкретно-историческое содержание основных терминов («власть», «общество», «реально-политический дуализм», «аристократия»), формулируется и конкретизируется исследовательская цель, приводится характеристика

источников и методов работы с ними, определяются методы предлагаемого сравнительно-исторического анализа, характеризуется состояние изучения системы власти Сигизмунда Люксембургского в Империи, Венгерском и Чешском королевстве, описывается и обосновывается выбранная научная концепция, выдвигается рабочая гипотеза исследования.

Первая глава «Политический дуализм в предгуситскую эпоху: Люксембурги в конфликтах с аристократией на рубеже XIV–XV вв.» состоит из трёх параграфов. В ней анализируются внутривластные конфликты поздних Люксембургов (Вацлава и Сигизмунда) с аристократией.

В Параграфе 1 «Мятеж венгерской знати против короля Сигизмунда в 1401 году» рассматривается один из малоизученных внутривластных конфликтов в позднесредневековой истории Венгерского королевства в свете вопроса о его глубинной причине и характере, а также итогах и исторических последствиях. Исследование основано на анализе комплекса имеющихся документов – грамот, изданных королём Сигизмундом и его политическими оппонентами – предводителями виднейших кланов венгерской знати. Предложен новый подход к нарративным источникам – сообщениям венгерского хрониста Яноша Туроци, а также свидетельствам иностранцев. В начале главы рассмотрены две трактовки мятежа 1401 года, предложенные венгерской медиевистикой XX века. Дальнейшее исследование при активном привлечении хроники Туроци продемонстрировало правоту тех учёных (Э. Фюгеди, П. Энгель, Э. Маюс), которые видели в рассматриваемом событии спланированный заговор придворной элиты против своего короля. Автор пришёл к следующим выводам. Глубинной причиной конфликта было стремление «старой аристократии» прежней Анжуйской эпохи удержать контроль над Сигизмундом – молодым королём из чужеземной династии, который в 1401 году получил шанс овладеть Чешским королевством и использовать чешскую знать в противовес венгерской. При этом всякий клан преследовал, в первую очередь, свои собственные выгоды: об этом свидетельствует сепаратный сговор одного из предводителей мятежников,

Миклоша Гараи с Люксембургом. Мятеж 1401 года окончился поражением «старой аристократии»; однако победа Сигизмунда была бы невозможна без тех уступок по отношению к клану Гараи, на которые король был вынужден пойти. Историческое значение мятежа состоит в том, что отдельный клан венгерской знати оказался в состоянии реализовать свои властные притязания, выступая в качестве не соперника короля, но его ключевого партнёра, чья верность требовала от правителя вознаграждений. Тем не менее, в Венгерском королевстве после 1403 года Сигизмунд с помощью политики возвышения малознатных родов, пожалования управленческих должностей и королевских замков сумел выстроить контролируемую систему, в рамках которой дисперсия власти превратилась в инструмент реализации королевской политики.

В Параграфе 2 «Имперские князья и свержение короля Вацлава с римского престола в 1400 году» исследуется тот конфликт между аристократией (имперскими курфюрстами и князьями) и королевской властью, который окончился поражением последней. Вначале рассматриваются две историографические трактовки его причин. Основное внимание уделяется взаимоотношениям чешских Люксембургов (Карла, Вацлава и Сигизмунда) с маркграфами мейсенскими в преддверии и ходе рассматриваемого конфликта, а также последствиям этого события в контексте их территориального соперничества за соседний Фогтланд. Автор приходит к выводу, что в период с 1358 по 1419 г. под влиянием внешних обстоятельств произошла смена тактики короля в отношении князей: место агрессии и манипулирования занял диалог и стремление заинтересовать князя в служении римской и чешской короне. Дуализм короля и имперской иерархии существовал и при Карле; более того, представляется, что своей агрессивной политикой в Немецких землях этот правитель как раз и вызвал в сильнейших имперских чинах стремление к совместному противостоянию Люксембургской династии. В 1396 г. Вацлав, пошедший на уступки перед союзом чешских панов, опасавшийся своих сородичей-Люксембургов –

Йошта Моравского, Иоанна Горлицкого, Сигизмунда Венгерского, сам уже не пытался держать Веттинов в узде с помощью тюрингского земского мира, но наоборот – оставлял без поддержки и даже предавал одного за другим своих естественных союзников в Империи: Эрфурт и фогтов. Его раннее правление, по выражению П. Морава, «правление с опорой на города» (нем. *Städtekönigtum*), в Мейсене и Тюрингии в 1395 году сменилось правлением «через князей» – маркграфов и ландграфов. Но если Карл старался обеспечить себе их верность в первую очередь страхом, то Вацлав – расширением их княжеской власти и собственности. В 1420-х гг. эта политика «поощрений и уступок» была продолжена Сигизмундом.

В Параграфе 3 «Люксембурги и чешское панство в преддверии Гуситских войн» исследуются противоречивые взаимоотношения между королевской властью и аристократией в чешских землях в контексте панского мятежа 1394–1396 гг. против короля Вацлава. Значительное внимание уделено сословным требованиям, предъявленным после его смерти в 1419 году Сигизмунду, его брату и наследнику. Притязание высшей знати на участие в управлении монархией было характерной чертой политического развития центральноевропейских государств позднего Средневековья, но эта тенденция с разным результатом воплотилась в королевствах Венгерском и Чешском начала XV в. В этих условиях Вацлав плыл по течению: его поддерживала Прага и часть чешской шляхты, однако он уклонился от решительного противостояния мятежной аристократии. Сигизмунд же в ситуации мятежа 1401 года действовал ей наперекор, попытался раздробить коалицию венгерских баронов, но следует признать: он удержался на троне лишь ценой уступок в отношении одного из бунтующих кланов – Гараи. В 1419 году после смерти Вацлава совокупная чешская аристократия, и католическая, и гуситская, признала Сигизмунда своим «новым королем». Часть чешского (вероятно, в большинстве своём, гуситского) панства попыталась реализовать свои властные притязания путем политического давления – потребовав не только, чтобы было разрешено гуситское

исповедание причащения под обоими видами, но и чтобы было недопущено использование казны Чешского королевства без её ведома и совета. Другая, приближённая к Сигизмунду часть чешской аристократии действовала иначе: она поддержала решение своего правителя, дипломатично отложившего разрешение всех вопросов до своего приезда в королевство. Сигизмунд внешне продемонстрировал готовность к диалогу, но внутренне был готов дать отпор притязаниям чешских панов.

Вторая глава «Кризис королевской власти как политический фактор: аристократия на службе Сигизмунда Люксембургского в период Гуситских войн» состоит из двух параграфов. В ней рассматривается взаимодействие между королевской властью и аристократией в борьбе с гуситским мятежом в чешских землях.

В Параграфе 1 «Князья в Немецких землях и в Силезии на службе Сигизмунда» исследуется пример взаимодействия внутри политической элиты Священной Римской империи в ситуации гуситского кризиса и первых неудачных попыток его преодоления в 1420–1422 гг. В первом подразделе параграфа основное внимание уделяется стратегиям поведения королевской и княжеской власти в лице Сигизмунда Люксембургского и Фридриха IV Веттина, маркграфа мейсенского. Автор приходит к выводу, что связи между ними в обозначенный период становились тем теснее, чем чётче король сознавал необходимость поиска новых путей борьбы с гуситами. Так, маркграф, вассал Империи, был привлечён королём к длительной военной службе не на ленных, а на наёмных началах. В качестве платы «князю-кондотьеру» были заложены чешские замки на границе с его владениями, что способствовало процессу узурпации княжеской властью королевских прав и имуществ на местах. Во втором подразделе параграфа изучаются взаимоотношения Сигизмунда с силезскими герцогами олесницкими, которые были задействованы королём в придворной и дипломатической службе: благодаря их связям с остальными князьями Силезии, а также Тевтонским орденом, в 1423 году Сигизмунду удалось создать

крупномасштабный военный союз против Польши и Литвы, которые были готовы активным образом вмешаться в Гуситские войны на стороне гуситов. Разграничение функциональных категорий «земельного господина» / «придворного советника» на данных примерах невозможно провести однозначно и чётко. Веттины и Олесницкие Пясты имели домены, отличавшиеся друг от друга военными и политическими возможностями, которые они предоставляли династам; поэтому в своей политике, в том числе и по отношению к королевской власти, первые преследовали цели собственной территориальной экспансии, вторые – политического и экономического выживания. Соответствующим образом различались и те стимулы к верности, которые применял Сигизмунд: Веттины, преследовавшие цели собственной территориальной экспансии, приобрели титул саксонского герцога, а также ряд городов и замков в Чешском королевстве, в то время как князья олесницкие – ренту с королевских доходов от имперского города Вратислава. Действительную разницу между политикой двух династий в отношении Люксембургов составлял тот уровень, на котором они вели свой диалог с монархом, мера их партнёрства и соперничества с королём.

В Параграфе 2 «Бароны в Чешском и Венгерском королевствах на службе Сигизмунда» рассматриваются примеры взаимодействия королевской власти с чешской и венгерской аристократией. В первом подразделе параграфа анализируются взаимоотношения Сигизмунда с чешским паном Олдржихом из Рожмберка, который в 1420–1422 гг. трижды впал в немилость к королю и трижды возвращал себе его благосклонность. Причиной этого в первый раз (апрель 1420 г.) послужило его несогласие с политической неуступчивостью Сигизмунда, который претендовал на то, чтобы править Чехией по праву наследования, а не с согласия чешских панов. Во второй раз (ноябрь 1420 г.) короля возмутил факт перемирия, которое Олдржих заключил с Табором, как представляется, исключительно из практических соображений. В третий раз (июнь 1421 г.) чешский пан

открыто пошёл против своего господина, вместе с гуситской шляхтой потребовав низложения Сигизмунда, который привёл с собой в страну своих чужеземных слуг, в частности вышеупомянутого мейсенского маркграфа Фридриха Сварливого. Но уже через полгода он видел именно в войске Сигизмунда спасение от побеждавших таборитов. Неизвестно, исходил ли пан из Рожмберка когда-нибудь в своих действиях из каких-либо политических / религиозных убеждений, а не только из собственных корыстных, прежде всего имущественных, интересов. Вероятно, его манёвр на Чаславском сейме имел целью достигнуть примирения с Прагой и гуситами, чтобы потом диктовать королю условия, на которых тот будет принят в Чешском королевстве. Но нельзя отрицать, что Олдржих был «близок к королю» (нем. *königsnah* в терминологии Петера Морава), выступал в качестве того (пусть и очень своевольного и ненадёжного) вассала, с помощью которого Сигизмунд стремился утвердить свою власть.

Второй подраздел параграфа посвящен Иштвану Розгони-младшему, пример которого явным образом демонстрирует: венгерская знать была ориентирована на службу королю и королевству, стремилась получить от короля должности в управление, так как верхушкой благородного общества, «баронами королевства», в Венгрии титуловались лишь носители придворных и управленческих должностей. В то время как чешский пан заключил перемирие с таборитами вопреки воле Люксембурга, венгерский барон в сопровождении своих собственных фамилиариев прибыл на службу к Сигизмунду и проявил отвагу в борьбе с моравскими гуситами. За это впоследствии венгр получил должность пожоньского ишпана, которая и возвысила его до баронского статуса.

В Заключении подведены итоги проведённой работы и предложены гипотезы для дальнейших исследований.

1. Во всякой из рассматриваемых монархий аристократия, т.е. верхушка властной иерархии (вне зависимости от «развитости» этой иерархии в той или иной конкретной монархии), составляла группу

политического давления на короля, но различалась по своему характеру. В Империи монарху противостояли его прямые вассалы – князья, в Венгрии – придворная должностная элита в лице баронов королевства, созданная его предшественниками и создаваемая им самим, в Чешском королевстве – чешские паны во главе территориальной корпорации благородного сословия. Притязания аристократии на право осуществлять контроль над правителем вплоть до его ареста и низложения ясно проявились в рассмотренных событиях 1387–1419 гг.: в обстоятельствах избрания Сигизмунда венгерским королём в 1387 году, в мятеже чешских панов в 1394–1396 гг., в низложении Вацлава с римского престола в 1400 году, в мятеже венгерской знати 1401 г., в требованиях, предъявленных Сигизмунду как наследнику Вацлава, «новому королю» со стороны чешской шляхты в 1419 г.

2. В качестве важнейшего фактора консолидации аристократии против правителя выступали частные интересы участников, определяемые конкретной политической обстановкой. Единство династической политики Люксембургов при Карле IV уступило место междоусобному конфликту между его наследниками; в Империи правление Карла как «короля-гегемона» (нем. *hegemoniales Königtum* в терминологии П. Морава) сменилось периодом «физического неприсутствия» его сына Вацлава в Венгерском королевстве; смелого воителя Людовика Великого сменил не столь храбрый, главное же – очень юный 19-летний Сигизмунд. При этом поздние Люксембурги продолжили Карлову политику покровительства своим наиболее преданным чешским вассалам при замещении должностей: Вацлав – в Немецких землях, Сигизмунд – в Венгрии, что провоцировало недовольство со стороны местной элиты. В данных условиях знатные кланы имели тенденцию ко временной консолидации в целях усиленного давления на короля. Однако степень сословного корпоративизма в аристократической среде не следует преувеличивать. Действуя якобы в интересах всех благородных, ради блага «чешской земли» / «империи» / «граждан Венгерского королевства», в действительности всякий их представитель преследовал и реализовывал

никоим образом не общественные, и даже не общие, но исключительно свои собственные выгоды. Об этом ярко свидетельствует поведение конкретных лиц. Один из предводителей мятежников, далмато-хорватский и славонский бан Миклош Гараи-младший в 1401 году начал с пленённым Люксембургом сепаратные переговоры и отпустил на волю пленённого и вверенного ему Сигизмунда на том условии, что он будет королём отблагодарён и возвышен. Вильгельм Веттин, маркграф мейсенский и ландграф тюрингский, присоединился к походу нового римского короля Рупрехта против Вацлава не для борьбы с политическим расколом в Империи и с Люксембургом как антикоролём, но с исключительно корыстными целями грабежа и захвата. Династический индивидуализм всякого аристократического клана предоставлял немалый шанс на успех попыткам правителя расколоть мятежную группировку.

Частные интересы участников, особенно же – династические приоритеты королей, равным образом выступали в качестве предпосылки сотрудничества между королевской властью и аристократией. Последняя сознавала и признавала единоличное право монарха на распределение благ. Гуситские войны 1420-х гг., сопровождавшиеся сопротивлением части чешских подданных власти нового короля Сигизмунда, дала аристократии шанс заинтересовать короля и выслужиться перед ним. Преимуществом существовавшей политической системы была та возможность, которой располагала королевская власть: задействовать по своему выбору того или иного потенциально «близкого» вассала в зависимости от своих текущих потребностей, в том числе – путём политики пожалований и уступок.

3. Взаимоотношения между королевской властью и феодальной аристократией, центральной и местной властью в центральноевропейских монархиях не следует рассматривать в качестве принципиального антагонизма. Борьба между королём и его политическими оппонентами (которых представляли как аристократические группировки, так и отдельные могущественные кланы и мужи) велась не в целях монархической

централизации или феодальной децентрализации как таковой, но в конкурентном поиске возможного пути политического диалога и компромисса между политическими силами. Недовольная аристократия никоим образом не стремилась к разрушению существующего монархического строя, но к тому, чтобы обязать короля к совету с собой, к вовлечению именно её в управление монархией. На рубеже XIV–XV вв. она выступила в качестве не только «низвергателей», но и «делателей» королей – предлагая / навязывая королю свою помощь и реализуя себя в качестве ключевого партнёра королевской власти.

4. Мятеж 1401 года, в особенности же последовавший гуситский кризис сформировали в сознании Сигизмунда новую политическую концепцию. Суть её заключается в том, чтобы править не вопреки аристократии, но с её помощью, «вершить дела через могущественных князей и господ», по выражению Эберхарда Виндеке, придворного слуги и биографа Сигизмунда. Для противостояния гуситам Люксембургу были нужны не слабые, но сильные слуги, способные военачальники, особенно если учесть, что сам король хорошим полководцем не был. Исследование продемонстрировало, что Люксембург умел задействовать в своих службах тех из своих сторонников, в помощи которых испытывал необходимость в конкретный момент и в конкретных обстоятельствах. При этом в качестве инструмента он использовал пожалование именно тех благ, которые особенно ценились местной элитой и соответствовали ресурсам, имевшимся у королевской власти – должности в придворном и местном управлении (Венгерское королевство), привлечение к наёмной службе (Чешское королевство), наделение рентой с имперских имуществ (Силезия), пожалование новых титулов, замков и земель (Немецкие земли).

Полученные результаты позволили сформулировать следующие гипотезы для дальнейших исследований:

1. Долговременным фактором поддержания стабильности и преэминентности правления были не сами стимулы к верности в виде

королевских пожалований аристократам, но степень интегрированности сильнейших кланов в политическую систему текущей правящей династии.

2. В качестве важнейшего фактора интегрированности выступали переплетения дружественных, союзных и родственных связей, особенно – между княжескими династиями. «Политически близкие» ландшафты и группы находились в отношениях взаимодействия и партнёрства не только с королём, но и между собой, рассматривали себя и друг друга как гарантов преемства династии Люксембургов и Габсбургов.

3. Одновременно по этой же причине в рассматриваемых центральноевропейских монархиях отсутствовал континуитет и стабильность в отношении аристократии к королевской власти: *новым правителям из иных династий* (Хуняди / Подебрад) эта этаблированная аристократия не желала подчиняться, но наоборот – бунтовала против них.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. Научные статьи, опубликованные в журналах из списка RSCI на платформе Web of Science, а также в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03 – Всеобщая история

1. *Наумов Н.Н.* Концепция «открытости» территорий Петера Морава применительно к политической системе Сигизмунда Люксембургского (к постановке проблемы) // Средние века. Вып. 77. 2016. № 3-4. С. 99–117.
2. *Наумов Н.Н.* Сигизмунд Люксембургский и имперская аристократия на первом этапе Гуситских войн: Фридрих IV Веттин, маркграф мейсенский // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. №3 (47). С. 101–105.
3. *Наумов Н.Н.* Сигизмунд Люксембургский и чешская аристократия в преддверии Гуситских войн // Славяноведение. 2017. № 4. С. 21–30.

4. *Наумов Н.Н.* Сигизмунд Люксембургский и чешская аристократия на начальном этапе Гуситских войн: Олдржих из Рожмберка в 1420–1422 гг. // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 20–30.

II. Иные публикации

5. *Наумов Н.Н.* Сигизмунд Люксембургский в историографической ретроспективе // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Курбатовские чтения» (26–29 ноября 2013 года) / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Своё издательство, 2015. С. 19–24.

6. *Наумов Н.Н.* «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. № 1 (9). С. 65–82.

7. *Наумов Н.Н.* Политическая система державы Сигизмунда Люксембургского в период Гуситских войн (1419–1436): состояние исследования и современные подходы // В поисках слова. Открытия минувшего. Сборник научных работ студентов, магистрантов и молодых ученых. Объединенный выпуск № 2 филологов и историков / Сост. и отв. ред. И.Н. Райкова. М.: МГПУ, 2016. С. 207–217.

8. *Наумов Н.Н.* Туроци // Большая российская энциклопедия. Т. 32. М.: БРЭ, 2016. С. 556.

9. *Наумов Н.Н.* Сигизмунд Люксембургский, имперская реформа и проблема «предреформационного движения» в XV в. // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. Вып. 6. 2017. С. 296–317.

10. *Наумов Н.Н.* Гуситские грамоты и их перевод в «Книге императора Сигизмунда Эберхарда Виндеке: распространение протонационального дискурса // Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация / Под ред. А.Х. Даудова, С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 49–58.